

С того дня, как Сяо Лань взошёл на престол, он стал реже присылать пилюли. Возможно, увидев, как я кашляю кровью на церемонии, испугался, что я умру, а может, решил, что в таком состоянии я уже не смогу учинить смуту. Хотя он и ограничил мою свободу передвижения, но обходился со мной как с подлинным верховным императором, обеспечивая роскошной одеждой и изысканной едой.

Но я знал: ценность моей жизни не вечна, и Сяо Лань вряд ли позволит мне спокойно умереть.

К осени следующего года моё здоровье немного поправилось. Ходить без поддержки я уже мог, но, двигаясь чуть быстрее, начинал задыхаться, и порыв ветра мог свалить с ног. Я видел в зеркале своё нынешнее обличье: кожа стала куда бледнее, чем в здоровые времена, но на щеках всегда играл неестественный румянец. В сочетании с моими от природы узкими, томными глазами «спящего феникса» это создавало впечатление, будто я вечно пьян и смотрю на мир сквозь хмельную дымку. Во дворце же поползли слухи, будто низложенный император только и знает, что предаётся утехам, пьянствует и кутит, вечно находясь в опьянении.

На деле же так и было. Хотя Сяо Лань и лишил меня свободы, ограничить мои развлечения он не мог. Я часто призывал в Павильон Юсы актёров и труппы бродячих артистов, и шумные пиршества длились до самого утра, а на завтра я их отпускал.

Разумеется, звал я их не только чтобы развеять тоску. Среди этих лицедеёв были и мои тайные стражи, которых я в прошлом выращивал для выполнения дел, не терпящих света, — для бесшумного устранения неудобных. С их помощью я избавился от нескольких беспокойных и недалёких сводных братьев, а также от своей мачехи, императрицы Мэн, что пыталась захватить власть вскоре после моего восшествия. Но Сяо Лань был умнее их. Надзор его за мной не ослабевал, и я не смел действовать опрометчиво. Мне надлежало продолжать погружаться в порок, пока он не уверует, что я и впрямь стал безобидным низложенным императором.

Потому я и начал наряжаться в одеяния актёра, надевать маску, брать в руки куклу и ночи напролёт распевать кукольные представления.

Постепенно слухи о моём безумии разнеслись повсюду и, естественно, достигли ушей Сяо Ланя, погружённого в государственные дела.

В ту ночь, когда я с помощью кукольного действия общался со своими стражами о положении во дворце, Сяо Лань нагрянул неожиданно.

Он пришёл посмотреть, действительно ли я спятил.

Он стоял за дверью, с интересом слушая, как я несу бессвязный бред, а когда представление закончилось, даже захлопал в ладоши и одобрительно крикнул. Не только не выразив отвращения к безумному низложенному императору, но, напротив, распахнув дверь, выгнал всех актёров и лицедеёв, уселся и стал наслаждаться зрелищем в одиночестве. Я, конечно, продолжил представление для него: с кувшином вина в руке, попивая и распевая, пошатываясь, подошёл к Сяо Ланю и уставился на него сквозь пьяную дымку в глазах. Но Сяо Лань совершил нечто, чего я никак не ожидал.

Он схватил меня за руку, вырвал кувшин и отхлебнул из него.

Я помню его тёмные, мрачные глаза, движение кадыка, когда он глотал. Это было похоже не на то, как пьют вино, а на то, как пьют кровь, пожирают плоть, перемалывают кости. «Сяо Лин, — сказал он, — вскоре я буду выбирать наложниц и утверждать императрицу. Как думаешь,

кого мне выбрать? У меня есть три дворца и шесть покоев, сотни прекрасных женщин, но ни одна не пришлась по сердцу. Что делать? Скажи, почему в своё время отец, лишь взглянув на твою мать, госпожу Юй, краше которой не было во всех Девяти областях, возлюбил её одну и более не смотрел на других наложниц?»

Меня поразили его слова. Безумствовал-то я, но Сяо Лань казался куда безумнее меня.

Было в этом что-то жуткое и до смешного нелепое.

Я пьяно рассмеялся, но Сяо Лань не улыбнулся. Он пристально смотрел на меня некоторое время, затем внезапно встал и прижал меня к столу.

С грохотом кувшин разбился об пол — звон, будто от ударов мечей и копий.

Я подумал, что он вспомнил, как его мать впала в немилость из-за моей матери, и в нём внезапно вспыхнула жажда убийства. Я продолжал изображать опьянение, распластавшись на столе, словно добыча, подставляющая горло хищнику. Я знал: Сяо Лань не убьёт меня сейчас. Он лишь недавно взойшёл на престол, при дворе ещё остались старые сановники, прежние мои сторонники, для которых завещание отца, передающее трон мне, было дороже жизни. Сяо Лань наклонился, губы его приблизились к моему уху, и дыхание, вырывавшееся меж зубов, было подобно ядовитой, голодной змее. Тело его оказалось куда крепче, чем я полагал, — вовсе не таким тщедушным и худым, каким казалось.

Голос его был тих и мягок: «Сяо Лин, как думаешь, почему я оставил в живых такого низложенного императора, как ты, и почтил титулом верховного? Неужели ты вправду веришь, будто я лишь опасаясь людской молвы, страшусь, что назовут узурпатором? Или что я боюсь тех старых сановников при дворе, что не решатся потребовать твоей головы? Соображений у меня много, но есть и иная причина».

Я закрыл глаза, делая вид, что слишком пьян, чтобы слышать, но чувствовал, как его дыхание обжигает кожу на шее.

«Сяо Лин, ты занимателен. Будь ты достаточно умен, понял бы, как стать ещё занимательнее и прожить дольше».

«Я ещё навещу тебя, — сказал он. — Когда будешь в трезвом уме, Сяо Лин. Смотри не разочаруй меня».

После ухода Сяо Ланя я не сомкнул глаз до утра, ворочаясь и обдумывая его слова. Чем глубже я вникал, тем невероятнее и омерзительнее они казались. Мы были сводными братьями, и даже если он жаждал отомстить мне за прошлые унижения, которые я вместе с другими братьями ему причинял, не следовало произносить столь абсурдные и двусмысленные речи. Словно он хотел...

Словно он хотел... чтобы я, бывший государь, делал нечто, дабы услаждать его.

В душе похолодело. Я взглянул на ноющее запястье: на нём отчётливо проступили багровые следы от пальцев, резавшие глаз. Я спустил широкий рукав театрального одеяния и вышел из покоев. Перед Павильоном Юсы расстиралось озеро, а на противоположном берегу высился центральный дворцовый комплекс — более не моя вотчина. Весна сменилась осенью, и всё казалось будто из другой жизни. Я замер на берегу, вглядываясь в даль, и заметил среди деревьев несколько ярко одетых всадников, что гонялись друг за другом и веселились.

То были отпрыски Сяо Ланя.

Тот, что сидел на вороном коне, был, без сомнения, тот самый волчонок. Казалось, он от природы унаследовал ловкость варваров: прильнув к спине коня, скакал с врождённой удалью и дикостью, резко выделяясь среди прочих детей Сяо Ланя.

Казалось, он заметил мой взгляд, натянул поводья и остановился. Конь мотал головой и бил копытом, беспокойный. Другой, куда старший, юноша поскакал следом и со всей силы хлестнул плёткой коня под ним. Раздалось ржание — испуганный конь встал на дыбы, сбросил седока прямо в озеро.

Поднялся хохот. Видя, как волчонок барахтается в воде, никто не спешил на помощь. Я крикнул. Принцы на берегу, зная, кто я, перешёптались и разбежались. Я позвал стражников из павильона, и те вытащили юнца на берег. Он промок насквозь, наглотался воды и, лёжа на земле, судорожно кашлял. Шпилька с головы слетела, волосы всклокочились и завились, обнажив варварскую неукротимость. Всего за год его тело окрепло, плечи стали шире, спина — массивнее. Рос он и впрямь быстрее волчонка.

— Бла... благодарю, дядя, — проговорил он, приподнимаясь, но не смея поднять взгляд на меня, с мокрой копной кудрявых волос на голове, смущённый, как при первой встрече. Колючий осенний ветер заставил его чихнуть.

— Коль называешь меня дядей, так не бойся. Я же тебя не съем, — усмехнулся я и, словно когда-то подбирая того волчонка в степи, повёл его в Павильон Юсы. На сей раз этого волка следовало приручить как следует.

Ибо однажды он мог стать в моих руках мечом.

Оглядываясь же на тот день позже, я сокрушался и рвал на себе волосы, ибо точил я не меч, а впустил волка в дом.

Но тогда я этого не ведал.

Я привёл волчонка в покои, где находился горячий источник. Вокруг купели стояла весенняя теплота, струился пар. Он не переставал чихать — явно простудился. Я распростёр руки, позволив евнухам раздеть меня, и первым ступил в воду, погрузившись в тёплую влагу. Волчонок же стоял у края, не зная, что делать, теребя пальцы и глядя на меня в воде.

Я лениво облокотился о бортик:

— Ну что стоишь? Быстро сюда, простудишься ещё.

Волчонок застыл, затем стянул с себя прилипшую одежду. Он всё ещё был худ, но уже обрёл очертания отрока. На смуглой груди его явственно проступало приметное родимое пятно, по форме напоминавшее волчью голову, где даже можно было различить очертания глаз и когтей, таившие некое невыразимое злоевищее. Варвары почитали Небесного Волка за божество, мы же видели в нём предвестие бед. Но, желая сблизиться с племянником ради своих целей, я подавил позыв швырнуть прочь этого несчастного ублюдка и поманил его к себе.